

Лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова

Ольга Николаевна Баженова

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия*

Введение. Работа посвящена описанию некоторых лексических средств выражения эмотивности и оценочности в прозе классика коми литературы Г. А. Юшкова.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили тексты романов, повестей и рассказов Г. А. Юшкова. В работе использован метод компонентного анализа, обозначены такие компоненты коннотативного значения, как параметрический, эмоционально-оценочный, образный. При описании моделей индивидуально-авторских фразеологизмов применен структурный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Эмотивность и оценочность в прозе Г. А. Юшкова выражаются различными лексическими средствами. Неодобрение предмета речи передается общеупотребительными пейоративами и индивидуально-авторскими фразеологизмами, созданными по моделям узуальных словосочетаний в переносном значении, лексическими повторами в репликах персонажей. Негативная оценка и отрицательные эмоции говорящего выражаются также изобразительными глаголами, при этом компонент интенсивности в коннотативном значении слова становится предпосылкой развития компонента оценочности. Концептуально значимым для произведений Г. А. Юшкова является компонент одобрения в коннотативном значении этнонима *коми*. Положительно оцениваются такие качества коми человека, как доведение дела до конца, искренность, целеустремленность, упорство, умение чувствовать природу и ориентироваться в лесу, скромность.

Заключение. Лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова достаточно разнообразны: их источником послужили как общеупотребительные ресурсы народного коми языка, так и собственное языковое творчество автора.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта ИЯЛИ FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Ключевые слова: эмотиология, эмотивность, оценочность, коми язык, стилистика коми языка, Г. А. Юшков

Для цитирования: Баженова О. Н. Лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 136–146. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.136-146.

Введение

В контексте антропоцентричной направленности современной науки особую актуальность приобрело исследование выражения в языке таких функционально-семантических категорий, как эмотивность, экспрессивность, оценочность и образность. Для изучения данных категорий в лингвистике имеются различные направления: антропологическая лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика, эмотиология (лингвистика эмоций). В коми языкознании эмотиология является новой областью исследований, которая включа-

ет в себя изучение пейоративной лексики и различных морфологических средств выражения эмотивности и оценочности. Перспективным направлением представляется изучение лексических средств, с помощью которых передаются эмотивность и оценочность в художественных текстах и для которых характерен целесобразный, эстетически мотивированный отбор.

Данная статья посвящена изучению способов лексической репрезентации категорий эмотивности и оценочности в коми языке на материале прозы Г. А. Юш-

кова (1932–2009), классика коми литературы, чьи произведения отличаются жанровым и тематическим разнообразием, обращением ко всем возможным источникам в целях обогащения литературного языка.

Как отмечает В. К. Харченко, «слово в художественном тексте, наряду с основным значением, часто имеет дополнительное содержание, сопутствующее основному, т. е. обладает коннотативными значениями, которые могут проявляться как оценочность, эмоциональность, образность, экспрессия» [18, 67]. Т. М. Крюкова, обращаясь к проблеме экспрессивности в современной лингвистике, образность понимает как «способность языковых единиц вызывать чувственно-образные представления и ассоциации», эмоциональность – «способность языковых единиц отражать переживания человека по поводу определенного явления действительности». Оценочность, по ее мнению, «заключается в выражении одобрительной или неодобрительной оценки предмета речи», интенсивность «выражает степень проявления действия, признака». Исследователь предполагает, что экспрессивность служит родовым понятием для образности, эмоциональности, оценочности, интенсивности [8, 50]. Объектом нашего исследования послужили главным образом такие категории, как эмотивность и оценочность. Следует отметить, что оценка какого-либо явления часто сопровождается эмоциональной реакцией на него [12; 13]. Так, Г. Н. Ленько считает оценку «необходимым компонентом эмоциональной реакции, так как определение значимости события или ситуации, а следовательно, и активизации эмоций, происходит через оценивание» [10, 89].

Обзор литературы

Репрезентация категорий эмотивности и оценочности в финно-угорских языках исследуется на материале различных лексических средств. К экспрессивным средствам, содержащим в своем значении компоненты образности и эмоционально-

сти, финно-угроведы относят изобразительную лексику [6], фразеологизмы [3; 4] и зооморфизмы [15]. Эмотивность изучается также на примере лексико-семантических групп существительных и глаголов, обозначающих определенные эмоции [5; 7; 16].

В коми языкознании среди основных работ по исследованию эмотивности и оценочности следует назвать статью Е. А. Цыпанова «Эмотиология в коми языкознании: пейоративные слова – названия предметов быта и зооморфизмы». В работе обоснована необходимость изучения материала коми языка в аспекте эмотиологии и впервые охарактеризованы две группы лексических единиц с мотивированными значениями: слова, обозначающие предметы традиционного быта коми-зырян, и слова-зооморфизмы (названия животных, птиц, насекомых, земноводных) [19]. Пейоративная лексика на коми-зырянском и коми-пермяцком языках представлена в словаре Е. А. Цыпанова «Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд» («Коми пейоративы: очень необычный словарь»), включающем более 1 900 заглавных слов¹.

Изучению прилагательных, выражающих субъективную оценку говорящего, посвящена статья В. М. Лудыковой «Частнооценочные прилагательные в высказываниях коми языка». Качественные прилагательные распределены по тематическим группам, где они обозначают оценку вкуса и запаха, интеллектуальную, эстетическую, этическую, рационалистическую оценку [11, 33–35].

Как видим, на данный момент категории эмотивности и оценочности в коми языкознании изучаются на материале пейоративов и слов определенных лексико-семантических групп.

Относительно изучения стиля произведений Г. А. Юшкова важно подчеркнуть, что ему посвящены как литературоведческие, так и лингвистические работы. Литературовед В. Н. Демин рассматривает творчество писателя как проявление психолого-реалистического стиливого течения национального стиля коми литературы,

¹ См.: Цыпанов Е. А. Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд. Сыктывкар, 2021.

для которого характерны интерес к «переломным эпохам в жизни народа, широкое обращение к фольклорному и этнографическому материалу, социально-психологическое раскрытие личности, осмысление проблемы “человек и природа”, тяготение к символическому, объективизация повествования» [2, 483]. И. И. Уляшев в статье «Повествование и стиль романов Г. Юшкова» обращает внимание на ритмизованную речь автора в пейзажных зарисовках, описывает многокомпонентные сложноподчиненные предложения, выражающие внутреннее состояние героев, их размышления. Отличительной чертой стиля Г. А. Юшкова исследователь называет слияние речи героев и повествователя, когда повествование от третьего лица перемежается с несобственно-прямой речью героев, что служит описанию психологии персонажей или воспроизведению технологии изготовления каких-либо предметов, трудового процесса, причем в последнем случае писатель выступает как автор-дидактик [17, 64–68]. В статье Т. Л. Кузнецовой «Проза Г. А. Юшкова: особенности художественного осмысления жизни» раскрыты основные темы его романов, повестей и рассказов. Исследователь полагает, что одним из главных стремлений писателя является попытка исследовать специфику национальной идентичности коми народа, а его стилю свойственны остроумные, ироничные, склонные к афористичности выражения [9, 67, 71].

Рассматривая лексико-стилистические особенности романа Г. А. Юшкова “Чугра”, Р. Коснырева и И. Костромина в работе “Чугра” романлӧн кыв” («Язык романа “Чугра”») обращают внимание на диалектизмы, внесенные писателем в текст, неологизмы, профессионализмы, дескриптивы, синонимы, контекстуальные антонимы, фразеологизмы, сравнения. Авторы приходят к выводу, что роман написан «красивым, образным языком», хотя и не лишен отдельных недостатков. Среди них – обилие вставок на русском языке, неточное употребление отдельных слов, грамматические ошибки)².

Неологизмы романа “Бива” описаны в статье А. Н. Ракина «Лексические новации в историческом романе Г. А. Юшкова “Бива”». В качестве новой лексики исследователь выделяет 129 слов, из которых 114 объяснены писателем в сносках на 48 страницах. Данные слова распределены по 15 тематическим группам [14, 221–225]. Источниками лексических неологизмов, по мнению А. Н. Ракина, послужили лексикографические издания XIX в. (словари Г. С. Лыткина, Ф. Видемана, Д. Фокош-Фукса, Ю. Вихманна), диалекты коми языка, соответствия в близкородственных языках [14, 226–227].

Таким образом, произведения Г. А. Юшкова были рассмотрены в контексте стилей коми литературы как выражение психолого-реалистического стилистического течения. Синтаксис прозы классика коми литературы изучен с точки зрения совмещения в тексте речи повествователя и персонажа, а также изменения соотношения данных голосов в зависимости от установок автора. Основные темы и идеи писателя, доминанты художественного осмысления действительности, поэтика прозы и индивидуально-авторские формы повествования исследованы на материале романов, повестей и рассказов. Выявлены некоторые лексические особенности романа “Чугра”, распределены по тематическим группам с указанием источников лексических новаций романа “Бива”. Однако тексты Г. А. Юшкова еще не были изучены с точки зрения лексических средств выражения категорий эмотивности и оценочности.

Материалы и методы

Основным методом исследования является метод компонентного анализа коннотативного значения отдельных лексем. При анализе функций конкретных лексических единиц учтена классификация компонентов коннотативного значения, предложенная Т. В. Матвеевой: 1) параметрический компонент (интенсивность или чрезмерность признака, квалификативная сема); 2) эмоционально-оценочный ком-

² См.: Коснырева Р., Костромина И. “Чугра” романлӧн кыв // Войвыв кодзув. 1984. № 7. Лб. 49–51.

понент (эмоциональная оценка типизированного социального представления о положительном или отрицательном содержании отражаемого явления с точки зрения практической пользы, этических представлений, эстетических идеалов); 3) образный компонент (образность как способность слова отражать обозначаемое конкретно-изобразительно, выполнять предметно-изобразительную функцию) [13, 19]. При описании моделей индивидуально-авторских фразеологических единиц был применен структурный метод.

Материалом исследования послужили тексты романов Г. А. Юшкова «Чугра» (1978), «Рөдвуж пас» («Родовой знак», 1984), «Бива» («Огниво», 1999); повестей «Вилядь сиктса ань» («Женщина из села Вилядь», 1964), «Пияна ош» («Медведица с медвежатами», 1969), «Кысь ме тэнö корся?» («Где я тебя найду?», 1981); рассказов «Аски лоö мича» («Завтра будет погожим», 1962), «Конö Семö» («Конэ Семэ», 1967), «Ошинь водзын бурөвöй» («Перед окном буровая», 1970), «Чöскыд вотöс – сьöлаоз» («Вкусная ягода – поленика», 1971), «Юрыд усьö» («Позор», 1980), «Карса» («Городская», 1986), «Лов пыкöс» («Опухоль души», 1989), «Часовня» (1989), «Му выв олысь» («Живущий на земле», 1989), «Мынтöдчöм» («Избавление», 1990), «Вир тшыкöдысь» («Вампир», 1990), «Кыдзи мортыд ылавлан» («Как может обмануться человек», 2002)³.

Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее распространенным лексическим средством выражения эмотивности и оценочности в языке являются пейоративы и мелиоративы [19, 112]. Как показывают данные различных словарей коми языка, зафиксированных мелиоративов в них значительно меньше, чем пейоративов [1, 12]. В прозаических текстах Г. А. Юшкова⁴ употребляются такие мелиоративы, как *рочакань* ‘куколка’, *шондйбан* ‘солнышко’: – *Босьтöй-босьтöй, рочаканьяс*, – *мелйа*

шуалйс батъыс (Т. 3, с. 201). «– Берите-берите, куколки, – ласково говорил отец»; *Август нёльöд лунö ыстöма письмöсö, а аскомысьнас и усьöма шондйбан* (Т. 2, с. 424). «Четвертого августа послал письмо, а на послезавтра и погиб, солнышко».

Лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова достаточно разнообразны: источником их послужили как общеупотребительные ресурсы народного коми языка, так и собственное языковое творчество автора.

Для стиля Г. А. Юшкова характерны индивидуально-авторские фразеологизмы, выражающие одобрение. Обычно в таких оборотах используется причастие на *-ан(а)*: *Сидзкö тай, мыйкö морт на быдман, пызан сайö пуксьöдан...* (Т. 2, с. 90). «Значит, человеком все же вырастешь, тем, кого можно за стол посадить...»; *...а мортыс сйö, тыдалö, пыжö на босьтан* (Т. 3, с. 66). «...а человек он, видимо, такой, кого можно взять с собой в лодку».

В определенном контексте положительной коннотацией обладает и существительное *морт* ‘человек’: *Быттьö тэ и мортыс танй, мирыслы олан, а ми сöмын асьнымöс тöдам* (Т. 3, с. 92). «Будто ты один здесь человек, живешь для людей, а мы только о себе заботимся»; – *Мортöн колö лоны! – вочаалйс Доронин* (Т. 2, с. 591). «– Человеком надо быть! – возразил Доронин»; – *Абу жö кö морт вöлöмыд-а⁵*. «– А ты, оказывается, и не человек вовсе».

Отрицательная оценочность в романах и повестях Г. А. Юшкова выражается общеупотребительными пейоративами: *йöй* (Т. 2, с. 14) ‘дурак’, *бырган* (Т. 2, с. 88) ‘болтун’, *ёма* (Т. 2, с. 646) ‘ведьма’, *зывгун* (Т. 2, с. 98) ‘нытик’, *мутивöй* (Т. 3, с. 36) ‘бес’ и др. Наряду с одиночными пейоративами отрицательную оценочность передают также общеупотребительные

³ Перевод названий произведений и примеров с коми языка на русский осуществлен автором статьи.

⁴ Примеры, кроме особо оговоренных случаев, даются по изданию: Юшков Г. А. Нёль небöгö öтүвтöм гижöд чукöр. Сыктывкар, 2001. Т. 1–3. В круглых скобках после примера указываются том и номер страницы.

⁵ Юшков Г. А. Чукöсты, Коми му, чукöсты: статьяяс, висьтыяс, пьесаяс, кывбурьяс. Сыктывкар, 2010. Лб. 26.

словосочетания в переносном значении: *кузь киа* (Т. 3, с. 39) ‘вор (букв.: длиннорукый)’, *вина гаг* (Т. 2, с. 11) ‘пьяница (букв.: винный жук)’, *сувтса синма* (Т. 2, с. 40) ‘бесстыжий (букв.: с вылупленными глазами)’ и др. Тексты Г. А. Юшкова содержат большое количество индивидуально-авторских фразеологизмов, созданных по моделям общеупотребительных, обладающих образностью и выражающих эмоциональную оценку:

прилагательное + существительное: *урӧс ёкмьль* ‘урод (букв.: паршивый кусок)’, *тыртӧм гыр* ‘бессердечный (букв.: пустая ступа)’, *йиа кӧзӧд* ‘бессердечный (букв.: ледник со льдом)’. Например: – *Кычипи на, а кок шегъяд нин и варскӧбтӧ! Шӧть, урӧс ёкмьль!* – и *тайкӧ вузвъсыяс* (Т. 2, с. 40). «– Сам еще щенок, а хватается зубами за щиколотку! Брысь, урод! – и будто вот-вот набросится»; – *А тэнсьыд он и аддзы [сьӧломтӧ], тыртӧм гырлысь!* – *зывӧктана кайтис Наталь да чеччыштис лымйӧ* (Т. 2, с. 141). «– А у тебя и не найдешь [сердца], пустая ступа! – брезгливо сказала Наталья и прыгнула в снег»; – *А кӧдзалам кӧ ӧта-мӧд динӧ?* – *Некытчӧ нин тэныд кӧдзавнысӧ, йиа кӧзӧдлы!* – *муртса эз горӧд Павел* (Т. 1, с. 421). «– А если охладеем друг к другу? – Некуда уж тебе охладевать, леднику со льдом! – чуть было не крикнул Павел»;

существительное в аккумулятиве + активное причастие настоящего времени: *пон сёйысь* ‘плохой человек (букв.: едящий собак)’, *пиньтӧ йирысь* ‘злой (букв.: грызущий зубы, скрежещущий зубами)’ – ср. *лун-вой сёйысь* ‘бездельник (букв.: едящий время)’. Например: – *Колӧкӧ, картйӧн асьсӧ ворссис?! – Эз. Сйӧ ветымынӧд кӧкъямысӧд серти пукалис.* – *Тэ тӧдан? Видзӧдлин делӧас?* – *А эз вӧв пон сёйысь!* – *дӧзмис Ожегов* (Т. 3, с. 119). «– Может, в карты проигрался?! – Нет. Он по пятьдесят восьмой сидел. – А ты откуда знаешь? Дело смотрел? – Не был он плохим человеком! – рассердился Ожегов»; *Но ӧд тэ абу пиньтӧ йирысь, кыдз мян сиктын шудӧны. Тэ эзв бур морт, дерт, аслад руа* (Т. 3, с. 308). «Но ты ведь не злой, как в нашем селе говорят. Ты очень хороший человек, хотя и своенравный, конечно»;

существительное в номинативе (атрибутив) + существительное: *морт сьӧлӧм* ‘человечный (букв.: сердце человека)’, *шыр сьӧлӧм* ‘трусливый (букв.: сердце мыши)’ – ср. *кӧч сьӧлӧм* ‘трус (букв.: сердце зайца)’. Например: *Но вӧлӧма на и Леушинлӧн морт сьӧлӧм. Локтис сйӧ ӧтчӧд бурӧвӧй вылас да кыдзкӧ небыда... видзӧдлис Казариновлань* (Т. 3, с. 302). «Но, оказывается, у Леушина было сердце человека. Пришел он однажды на буровую и как-то мягко... посмотрел на Казаринова»; *Некод тэӧ оз дзуг, шыр сьӧлӧмӧс! – скӧрмис Павел* (Т. 1, с. 680). «Никто тебе не мешает, мышинному сердцу! – рассердился Павел»;

наречие + глагол: *ыджыда ытшыкыштны* ‘сильно преувеличить (букв.: сделать крупный взмах косой)’ – ср. *ыджыда сёрнитны* ‘поговорить всерьез (букв.: крупно поговорить)’. Например: – *Со эськӧ пыид, да мый на сыысь коркӧ нетас-а?* – *Крестьяниныс век нетас.* – *Ог тӧд!* – *нюркнитис мамыс.* – *Мыйла он тӧд?* – *Войт на абу вежӧрыс! Номъясыд пӧ лунвылад лӧбӧмаӧсь нин. Коктӧм Кӧсьта и ывсӧдлӧма вир йӧйӧс!* – *Ок ӧд, ыджыда век ытшыкыштӧ!* – *водзӧс ӧлӧдис батысь.* – *Пызан судта детинаыслӧн, уна-ӧ на вежӧр сьлӧн?* (Т. 2, с. 14). «– Вот он сын, да кем он будет? – Крестьянином всяко будет. – Не знаю! – протянула мать. – Как не знаешь? – Разума нет ни капли! Комары, говорит, на юг уже улетели. Безногий Костя обманул дурака! – Ох ведь, опятьхватила! – одернул отец. – Парень еще под стол ходит, много ли ума у него?»

Лексическими средствами в прозе Г. А. Юшкова выражаются не только осуждение и гнев, но также снисхождение: *А Васька кивыль эз керлы налӧн ышмӧм вылӧ, тапсьӧдис мышкас нопйӧн да веськодясис: мед вӧчӧны, мый вӧчӧны, вежӧр вылӧ на вӧтӧмъясыс* (Т. 2, с. 96). «А Васька никак не отреагировал на их баловство, шагал с рюкзаком за спиной и делал вид, что ему все равно: пусть делают, что хотят, неразумные»; сожаление и ирония: *Но Часовня кыр йылын йӧйтавсис и сьлӧн, верстьӧд пуксьысьдлӧн!* (Т. 2, с. 96). «Но на холме у часовни все же сгруппил он, возомнивший себя взрослым!».

Интересный пример представляет собой слово *коньёр* ‘бедный, несчастный’, эмотивно-оценочная коннотация которого определяется контекстом. Данная лексема может употребляться с оттенком уничижения: *А вот кывсяс йёзыслы, ветлёма пё ботанасьны да лов абу шедёма коньёрёйлы, и нэмтё сэсся казътыласны нин* (Т. 2, с. 95). «А вот узнают люди, что он ходил ловить рыбу ботальной сетью, и ни одна не попалась бедняге, всю жизнь припоминать будут»; раздражения: *А мый нё, кыті нин коньёрёс сэтшюмасё дзескёдіс?* (Т. 2, с. 23). «А что же, где бедняжку так прижало?»; сострадания: *Медся на бур, мамтё кё вежан. А то оз и эштыв коньёр пенсия вылас петавны* (Т. 2, с. 24). «Лучше всего, если мать сменишь. А то не может бедная на пенсию выйти»; осуждения (в составе фразеологизма *коньёрё уськёдчыны / коньёрё пуксьыны* ‘прикинуться бедным’): *...но пыралёмыс да юалёмыс од мый дон на сувтё ас юрён олысь мортыдлы, коньёрё лоё уськёдчыны, синтё лазёдны да* (Т. 3, с. 89). «...но человеку, живущему самому по себе, неприлично зайти и спросить, ведь придется прикинуться бедным, еще и глаза потупить».

Одной из особенностей стиля Г. А. Юшкова является употребление изобразительных глаголов, в значении которых присутствует компонент негативной оценки. Неодобрение субъекта речи выражается, например, следующими глаголами: *летйысьны* ‘дергаться’ (ср. нейтральное *йёктыны* ‘танцевать’), *дѣтшвидзны* ‘сидеть сложа руки’ (ср. *пукавны* ‘сидеть’), *уйкнитны* ‘улепетнуть’ (ср. *мунны* ‘уехать’), *бавъявны* ‘шататься’, *бротъявны* ‘шлендаты’ (ср. *ветлөдлыны* ‘ходить’), *ырсявны* ‘артачиться’ (ср. *асныравны* ‘упрямиться’), *жавксьыны* ‘лаяться’ (ср. *пинясьны* ‘ругаться’) и др.: *Найё [нывьяс] одё петалісны летйысьны гыпкысь музыка улас* (Т. 3, с. 14). «Они [девушки] быстро выходили дергаться под грохочущую музыку»; *Но коліс од кыскё корсьны вит-ё-квایت пөвсё... – Разя вот порсь гид вывсьыныд вевтсё! – Ланьт сёрниад, – такёдіс чойыс. – Сюрё на кыскё. – Сюрас тадзитё дѣтшвидзигад* (Т. 3, с. 89). «Но надо ведь было достать

где-нибудь пять-шесть досок... – Вот возьму и разберу крышу вашего хлева для свиней! – Замолчи, – успокоила его сестра. – Найдется как-нибудь. – Найдется, если сидеть сложа руки»; *Ачыд тай, армия бёрад эн жё гортё кольчы, вёрпунктё уйкнитін* (Т. 3, с. 92). «Сам-то после армии не остался дома, в лесопункт улепетнул»; *Няръялө биыс гёгёрсьыныс пожёмсё, а налы теш, бавъялөны нильөдём синмаёсь* (Т. 3, с. 102). «Огонь пожирает сосны во круг, а им весело, шатаются, с помутненными глазами»; *Та вёсна и эз на лэдзны война помас, матё кум во на бротъяліс армияс* (Т. 3, с. 69). «Из-за этого и не отпустили после войны, еще года три шлендал в армии»; *Мый сэсся либё ырсяялан?* (Т. 2, с. 68). «А зачем тогда артачишься?»; *Дыр-ё бара тэ жавксян-а? – дёзмис да эльтышитіс Васька, кыдзи коркё батыыс* (Т. 2, с. 98). «Долго еще будешь лаяться? – рассердившись, пробурчал Васька, как делал когда-то его отец».

Эмотивно-оценочные глаголы могут также служить маркером голоса того осуждающего собеседника, с кем персонаж ведет мысленный диалог: *Сэсся Тамара... югдыліс, курзьём ныр-вома, ме пё ас вылад ыштылі, а тэ пё Рогачев сайё менё тувъялін* (Т. 3, с. 8). «Потом показала Тамара... с перекошенным лицом, мол, я на тебя позарилась, а ты меня Рогачеву сбыл (букв.: ‘пригвоздил’)»; *Тайё сейсмопартияс и веськаліс Латкин, кор помаліс Ухтаысь индустриальнөй институтсё. Кык во нин сэсянь коліс, коймөд вылө петіс. Шуны кё, уджыс ни йёзыс эз нин вөвны төдтөмөн, ёна нин лои ‘чиганалёма’. Мамыс тадзи нимтіс Латкинлысь ветлөдлана уджсё...* (Т. 3, с. 9). «В эту сейсморпартию и попал Латкин после окончания Ухтинского индустриального института. Два года с тех пор прошло, третий начался. Так сказать, и работа, и люди уже были знакомы, много пришлось ‘цыганить’. Таким словом мама называла работу Латкина...». Примечательно, что в коннотативном значении данных слов наряду с компонентом негативной оценки содержится компонент образности, который характерен для коми глаголов, образованных от существительных и упо-

требляющихся в переносном значении, например: *пожнасьны* ‘пустословить’ < *пож* ‘решето’; *кõмõдны* ‘обмануть’ < *кõм* ‘обувь’; *каньявны* ‘распутничать’ < *кань* ‘кот, кошка’; *понъясьны* ‘сквернословить’ < *пон* ‘пес, собака’ и др. [1, 9].

В коми языкознании эмотиология является новой областью исследований, которая включает в себя изучение пейоративной лексики и различных морфологических средств выражения эмотивности и оценочности. Перспективным направлением представляется изучение лексических средств, с помощью которых передаются эмотивность и оценочность в художественных текстах и для которых характерен целесообразный, эстетически мотивированный отбор.

Компонент интенсивности в коннотативном значении слова может стать предпосылкой развития компонента оценочности. Например, глаголы *дõжнавны* ‘повторять’, *няръявны* ‘наяривать’ имеют в структуре значения компонент интенсивности, а в контексте приобретают также компонент негативной оценки: *Сё пõв нин эськõ, абу кõ унджыкысь, ставсõ сылõн висьталõма, яндзим нин колõ тõдны, да гилялõ на кывйыс õтиторсõ дõжнавны* (Т. 2, с. 464). «Уже раз сто, если не больше, рассказал он про одно и то же, уже стыдно должно быть, да все равно язык чешется об одном и том же твердить»; *Код тõдас, дыр-õ на эськõ Лыткин няръялис õддзõмвисьыс, но Поликарп сзэсся лэптылис кисõ, мед дугдылас* (Т. 2, с. 478). «Кто знает, долго ли бы еще с пылу Лыткин наяривал, но Поликарп поднял руку, чтобы тот перестал».

Эмотивность и оценочность выражаются не только изобразительными и производными от существительных глаголами, но и другими частями речи. Примечателен пример употребления в текстах Г. А. Юшкова этнонима *коми*, имеющего в своем значении компонент одобрения. Положи-

тельно оцениваются следующие качества коми человека:

а) доведение дела до конца: *И ковмис пõрысь мортлы кынмысь вõв моз тирõдыштавны мышсõ... Он õд ырс чеччы да педзышит, кор кыйõдчыны локтõма, гортад, муса паччõрад, бõр он чепõсыы ни. Некод эськõ, колõкõ, оз тõдлы, кынмыны пõ кутõма да асывсõ абу и виччысьлõма, но õд ачыл аслыл сэк мустьм лоан коми мортыд* (Т. 2, с. 440). «И пришлось пожилому человеку, как мерзнувшей лошади, подрагивать спиной... Не встанешь ведь резко, не подвигаешься, если пришел караулить, и домой, на милую печь, не побежишь. Может, никто и не заметит, не скажет, мол, замерз и до утра не досидел, но ведь сам себя возненавидишь, если ты коми человек»;

б) искренность: *Колõ тõдны коми морттõ: абу велалõма гусьõн мыйкõ пõжны, и кыткõ дойдõ кõ сийõс, вõвлõн моз жõ петõ дойсõ висьталõмыс* (Т. 2, с. 571). «Надо знать коми человека: он не привык таиться, и если больно ему где-то, то, как лошадь, покажет, где у него болит»;

в) целеустремленность, упорство: *А комиыд быдõн кыйысь-виысь, ветлысь да вайысь. Мунõ кõ нин вõрад, тõдõ: оз тыртõг лок* (Т. 2, с. 555). «А все коми – добытчики, пойдут и принесут. Если пойдет в лес, знает: с пустыми руками не вернется»;

г) умение чувствовать природу и ориентироваться в лесу: *Сõстõм, югыд да гулыд арся вõрыд, выль мыськõм керка кодъ... Кодлыкõ мед тыртõмõн кажитчõ, шушитõм лõньõн, сõмын оз коми мортлы* (Т. 2, с. 459). «Чист, светел и гулок осенний лес, похож на дом со свежавымытыми полами и стенами... Пусть кому-то он кажется пустым, страшно тихим, но только не коми человеку»; – *А оз нõ немды? Ылалан кытчõкõ да... – Коми морт, ылала?!* (Т. 2, с. 183). «– А не темнеет разве? Еще заблудишься где-нибудь... – Коми человек, и заблужусь?!»;

д) скромность: *Сэтиõми и эм коми мортыд, оз ыкшаась водзвывтõ* (Т. 2, с. 178). «Такой он и есть коми человек: наперед не хвалит себя».

В противоположность позитивной оценке, закрепленной в сознании автора

за словом *коми*, негативную оценку содержит заимствованное слово *комьяк*, используемое для выражения презрения говорящего: – **Комьяк тэ!** *Понйыдкөд өти дозйысь сёйысь!* – *А мян понъясыс морт сямәсьджык тэ коддьомсьыс, мый оз позь, оз вөрөдны* (Т. 2, с. 600). «– Ты комьяк! Жрешь со своей собакой из одной миски! – А наши собаки больше похожи на человека, чем ты: не трогают того, что нельзя»; – **Комьяк тэ Бутиков!** *Киуд уджалө, а юрьд оз!* (Т. 2, с. 616). «– Комьяк ты, Бутиков! Руки работают, а голова – нет!».

Негативная оценка выражается дисфемизмами, когда эмоционально и стилистически нейтральное слово заменяется грубым: – *Өнтай нө, шампанскөйсө?* – *мудера дэльөдис Кузовкин. – Матере мен сийө вөв кудзыд!* (Т. 3, с. 47). «– А давеча, шампанское-то? – хитро подначивал Кузовкин. – На хрена мне эта лошадиная моча!»; – *А эн нө кырса в нывтө?* – **Кырса ли кө, ачым на быдти!** – *кучкис Ольга пызана* (Т. 3, с. 122). «– А разве ты не нагуляла дочку-то? – Если и нагуляла, то сама вырастила! – ударила Ольга по столу».

Характерной чертой стиля Г. А. Юшкова являются лексические повторы, через которые выражается неодобрение говорящим слов собеседника: – *Но и вайөда,* – *кайтыштас Олюксан. – Вайөда!* – *нерышитис батъыс. – Абу өд нөбөмтор, вөв ли мөс ли. Корасьомон татийомсө вөчлөны* (Т. 2, с. 642). «– Ну и приведу, – проговорил Элексан. – Приведу! – передразнил отец. – Это ведь не что-то купить, не лошадь и не корова. Свататься надо»; *Висьтасын кө, оз нин ков маитчыны нинөмысь. Чист лоан!* – **Лоан!** – *нерышитис Катерина* (Т. 3, с. 54). «Если исповедуешься, не надо будет уже маяться ни о чем. Чиста будешь! – Будешь! – передразнила Катерина».

Заключение

Как показывает проведенное исследование, эмотивность и оценочность в прозе Г. А. Юшкова выражаются различными лексическими средствами:

негативная эмоциональная оценочность передается общеупотребительными пейоративами и индивидуально-ав-

торскими фразеологизмами, созданными по моделям узуальных словосочетаний в переносном значении (*урөс ёкмыль* ‘урод (букв.: паршивый кусок)’, *тыртөм гыр* ‘бессердечный (букв.: пустая ступа)’, *йиа көзөд* ‘бессердечный (букв.: ледник со льдом)’, *шыр сьөлөм* ‘трус (букв.: мышинное сердце)’);

характерной чертой стиля Г. А. Юшкова является выражение одобрения через причастные обороты: *пызан сайө пуксьөдан* ‘тот, кого можно за стол посадить’, *пыжө босьтана* ‘тот, кого можно взять с собой в лодку’;

негативная оценка выражается изобразительными глаголами (*летйысьны* ‘дергаться’, *дйишвидзны* ‘сидеть сложа руки’, *бавъявны* ‘шататься’ и др.). При этом компонент интенсивности в коннотативном значении слова может стать предпосылкой развития компонента оценочности (*дөжнавны* ‘повторять’, *няръявны* ‘наяривать’). Также эмотивно-оценочные глаголы могут служить маркером голоса того осуждающего собеседника, с кем персонаж ведет мысленный диалог;

концептуально значимым для произведений Г. А. Юшкова является компонент одобрения в коннотативном значении этнонима *коми*, при этом положительно оцениваются такие качества коми человека, как доведение дела до конца, искренность, целеустремленность, упорство, умение чувствовать природу и ориентироваться в лесу, скромность;

неодобрение говорящим слов собеседника выражается через лексические повторы в репликах персонажей;

конкретное эмотивно-оценочное значение слова проявляется в контексте (прилагательное *коньөр* ‘бедный’ может служить для выражения уничижения, раздражения, сострадания, осуждения; существительное *морт* ‘человек’ может иметь коннотацию одобрения).

Таким образом, лексические средства выражения эмотивности и оценочности в прозе Г. А. Юшкова достаточно разнообразны: источником их послужили как общеупотребительные ресурсы народного коми языка, так и собственное языковое творчество автора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова О. Н. Применение компонентного анализа лексического значения слова при определении стилистических функций синонимов в коми языке // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2020. № 2. С. 3–18.
2. Демин В. Н. Национальный стиль и стиливые течения современной коми литературы // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2. С. 482–484.
3. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация базовых эмоций 'радость', 'печаль' в мансийской языковой картине мира (на материале соматических фразеологизмов) // Вестник угроведения. 2017. № 2. С. 19–30.
4. Душенкова Т. Р. Выражения с компонентом *вир* 'кровь' в презентации эмоций в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2014. Вып. 2. С. 7–11.
5. Душенкова Т. Р. Лексические дефиниции эмоции гнева в удмуртском языке // Вестник угроведения. 2017. № 2. С. 39–45.
6. Иванов В. А. Изобразительная лексика в фольклорных текстах малых форм (на материале финно-угорских языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 174–192. DOI: 10.17223/18137083/57/16.
7. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. О глаголах со значением страха в хантыйском языке // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010). Pars IV. Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2011. P. 203–205.
8. Крючкова Т. М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 48–51.
9. Кузнецова Т. Л. Проза Г. А. Юшкова: особенности художественного осмысления жизни // Наследие. 2017. № 2. С. 64–78.
10. Ленько Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 1. С. 84–91.
11. Лудыкова В. М. Частнооценочные прилагательные в высказываниях коми языка // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 32–37. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 77).
12. Лукьянова Н. А. Функции экспрессивных лексических единиц // Труды по когнитивной лингвистике: сб. науч. ст., посвящ. 30-летию юбилею каф. общ. языкознания и славянских языков Кемеров. гос. ун-та. Вып. 10. Концептуальные исследования. Кемерово, 2008. С. 59–66.
13. Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2013. 173 с.
14. Ракин А. Н. Лексические новации в историческом романе Г. А. Юшкова «Бива» // Ракин А. Н. Исследования по пермским языкам. Сыктывкар, 2009. С. 221–228.
15. Рябов И. Н., Рябова Г. В. Использование зооморфизмов в презентации эмоций (на материале эрзянского языка) // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 58–67. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.058-067.
16. Сердобольская Н. В. Глаголы с семантикой эмоций и наивная картина мира народа бесермян // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 2. С. 75–84.
17. Уляшев И. И. Повествование и стиль романов Г. Юшкова // Современная коми литература: проблематика, герой, стиль. Сыктывкар, 2004. С. 64–81. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 64).
18. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.
19. Цыпанов Е. А. Эмотиология в коми языкознании: пейоративные слова – названия предметов быта и зооморфизмы // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 110–119. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-1-110-119.

Поступила 18.01.2022; одобрена 20.02.2022; принята 25.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

О. Н. Баженова – старший лаборант-исследователь сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, bazhenova-olga2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5666-2260>

Lexical means of expressing emotivity and evaluation in the prose by Gennady Yushkov

Olga N. Bazhenova

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The paper deals the description of some lexical means of expressing emotivity and evaluation in the prose by Gennady Yushkov (1932–2009).

Materials and Methods. The article is based on the texts of the novels and short stories by G. A. Yushkov. The author employs the method of component analysis, it defines such components of connotative meaning as parametric, emotional-evaluative, and figurative. It applies a structural method when describing models of individual phraseological units of the author.

Results and Discussion. Emotivity and evaluation in the prose by Gennady Yushkov is expressed by various lexical means. Disapproval of the subject of speech is conveyed by commonly used pejoratives and individual phraseological units of the author, created according to the models of ordinary phrases in a figurative sense, lexical repetitions in the replicas of the characters. Negative evaluation and negative emotions of the speaker are also expressed by figurative verbs, while the intensity component in the connotative meaning of the word becomes a prerequisite for the development of the evaluation component. Conceptually significant for the works by G. A. Yushkov is the component of approval in the connotative meaning of the *Komi* ethnonym. Such qualities of a *Komi* person as bringing things to the end, sincerity, purposefulness, perseverance, the ability to feel nature and navigate in the forest, as well as modesty.

Conclusion. The lexical means of expressing emotiveness and evaluation in the prose by Gennady Yushkov are quite diverse. They are based on both the commonly used resources of the *Komi* folk language and the author's own linguistic creativity.

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the state registration number of the project is IYALI FUUU-2021-0008 "The Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals".

Keywords: emotiology, emotivity, evaluativeness, the *Komi* language, stylistics of the *Komi* language; Gennady Yushkov

For citation: Bazhenova ON. Lexical means of expressing emotivity and evaluation in the prose by Gennady Yushkov. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:136–146. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.136-146.

REFERENCES

1. Bazhenova ON. Application of componential analysis in determining the stylistic functions of synonyms in the *Komi* language. *Vestnik Syktyvskarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series. 2020;2:3–18. (In Russ.)
2. Demin VN. National style and stylistic currents of modern *Komi* literature. *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov* = Materials of the VI International Congress of Finno-Ugric Studies. Moscow; 1990;2:482–484. (In Russ.)
3. Dinislamova Olu. The linguistic representation of the basic emotions 'joy', 'sadness' in the Mansi language picture of the world (on the material of the somatic phraseological units). *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2017;2:19–30. (In Russ.)
4. Dushenkova TR. Expressions with the component 'blood' in the presentation of emotions in the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology. 2014;2:7–11. (In Russ.)
5. Dushenkova TR. The lexical definitions of the emotion of anger in the Udmurt language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2017;2:39–45. (In Russ.)
6. Ivanov VA. Sound iconic words in small genres of folklore (by the material of Finno-Ugric languages). *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of

- Philology. 2016;4:174–192. (In Russ.). DOI: 10.17223/18137083/57/16.
7. Kaksin AD, Chertykova MD. About verbs with the meaning of fear in the Khanty language. *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010)*. Piliscsaba; 2011;4:203–205. (In Russ.)
  8. Kriuchkova TM. The problem of expressiveness in modern linguistics. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiia* = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2006;1:48–51. (In Russ.)
  9. Kuznetsova TL. Yushkov's prose: features of art judgment of life. *Nasledie* = Heritage. 2017;2:64–78. (In Russ.)
  10. Len'ko GN. Emotivity category and notions related to it. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = Bulletin of the Pushkin Leningrad State University. 2015;1:1:84–91. (In Russ.)
  11. Ludykova VM. Particularly evaluative adjectives in the utterances of the Komi language. *Aktual'nye voprosy komi i permskogo iazykoznaniiia* = Topical issues of Komi and Permian linguistics. Syktyvkar; 2019;77:32–37. (In Russ.)
  12. Luk'ianova NA. Functions of expressive lexical units. *Trudy po kognitivnoi lingvistike: sb. nauch. st., posviashch. 30-letnemu iubileiu kaf. obshch. iazykoznaniiia i slavianskikh iazykov Kemerov. gos. un-ta. Vyp. 10. Kontseptual'nye issledovaniia* = Works on cognitive linguistics. Collection of scientific articles dedicated to the 30th anniversary of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of the Kemerovo State University. Kemerovo; 2008;10:59–66. (In Russ.)
  13. Matveeva TV. Expressiveness of the Russian word. Saarbruecken; 2013. (In Russ.)
  14. Rakin AN. Lexical innovations in the historical novel by G. A. Yushkov "Biva". *Issledovaniia po permskim iazykam* = Studies in Permian languages. Syktyvkar; 2009:221–228. (In Russ.)
  15. Riabov IN, Riabova GV. Using zoomorphisms for the presentation of emotions (a case study of the Erzya language). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018;2:58–67. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.058-067.
  16. Serdobol'skaia NV. Verbs of emotions and natural language metaphysics of the Besermen people. *Problemy filologii: iazyk i literatura* = Problems of philology: language and literature. 2010;2:75–84. (In Russ.)
  17. Uliashev II. Narration and style of novels by G. Yushkov. *Sovremennaiia komi literatura: problematika, geroi, stil'* = Modern Komi literature: problems, hero, style. Syktyvkar; 2004;64:64–81. (In Russ.)
  18. Kharchenko VK. Differentiation of evaluativeness, figurativeness, expression and emotionality in the semantics of the word. *Russkii iazyk v shkole* = Russian language at school. 1976;3:66–71. (In Russ.)
  19. Tsypanov EA. Emotiology in Komi linguistics: pejorative words – the names of household items and zoomorphisms. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2020;10;1:110–119. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-1-110-119.

Submitted 18.01.2022; reviewing 20.02.2022; accepted 25.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

O. N. Bazhenova – Senior Laboratory Assistant, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, bazhenova-olga2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5666-2260>